

ВСЕЕДИНСТВО КАК ОСНОВА РЕЛИГИОЗНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ШЕЛЛИНГА И ВЛ. СОЛОВЬЕВА

*Работа представлена кафедрой логики, философии и методологии науки
Орловского государственного университета.*

Научный руководитель – кандидат философских наук, профессор Т. В. Серегина

В статье речь идет о влиянии Шеллинга на формирование религиозных и политических взглядов Вл. Соловьева. Автор показывает, что понятие «всеединство», разрабатываемое в философии русского мыслителя, было позаимствовано у Шеллинга. Религиозные взгляды и Шеллинга, и Вл. Соловьева тесно связаны с политическими воззрениями этих философов.

The article touches upon the influence of F. Shelling on the formation of V. Solovyov's religious and political outlook. The author of the article shows that the conception «unity of everything», elaborated in the phylosophy of the Russian thinker, was taken from Shelling. The religious thoughts of both Shelling and Solovyov are closely connected with the political ideas of these philosophers.

Выдающийся русский религиозный мыслитель Вл. Соловьев неоднократно в своих работах опирался на воззрения не-

мецких философов, особенно на воззрения Шеллинга. В этой связи многие исследователи творчества Вл. Соловьева

считают, что влияние западного мыслителя было огромным. Например, по мнению П. П. Гайдено, именно от Шеллинга Вл. Соловьев воспринял понятие всеединства. В статье мы обратимся к пониманию философами этого понятия, а также сущности религии и государства.

Понятие «всеединство» Шеллинг впервые употребляет в работе «Философия и религия». Под всеединством он подразумевает весь абсолютный мир со всеми ступенями существ, вселенную в ее полном и совершенном единстве. Затем данный термин он корректировал в работе «Система мировых эпох». «Мысль о всеединстве, – говорит Шеллинг, – это вечная мысль, состоящая в том, что все существующее черпает бытие из Бога и тем самым представляет собой протяженную субстанцию, существующую через Бога и в Боге, – это основная мысль всякой истинной религии»¹.

Как и у Шеллинга, понятие всеединства оказывается ключевым в творчестве Вл. Соловьева. П. Гайдено указывает, что сам религиозный философ характеризовал свое учение как философию всеединства. «Великая мысль, лежащая в конце всякой истины, состоит в признании, что в сущности все, что есть, есть единое»². Считая единство важнейшим определением бытия, он пишет: «...Абсолютная единичность есть первое положительное определение абсолютного первоначала»³.

Понятие «всеединство» Вл. Соловьев использует и при размышлении над человеческой природой. Человек содержит в себе и осуществляет всеединство, пишет он в работе «Критика отвлеченных начал», размышляя о значении религиозного начала в жизни человека. По его мнению, определение человека как существа разумно свободного не представляет еще никакого положительного нравственного идеала. Ни элемент материального интереса, ни элемент права, присущий ему как существу разумно свободному, не соответствуют нравственному началу. Каждый человек

должен быть не средством чужой деятельности, не границей ее, а целью. А на такое значение имеет право только абсолютная полнота бытия, т. е. все или все в одном (всеединое), и, следовательно, каждый может быть безусловной целью или предметом для другого лишь в том случае, если он носит в себе это все, известным образом выражает собою это всеединое. Выражением внутренней существенной солидарности всех является любовь.

Любовь как нравственное начало, считает Вл. Соловьев, есть вместе и живая личная сила, и универсальный закон, а потому предметом и содержанием такой любви не может быть человек как эмпирическое явление: невозможно любить истинную, т. е. совершенную, любовью ни человека вообще, ни каждого человека в действительности.

Таким образом, нравственное начало не находит себе места ни в натуральном, ни в рациональном порядке, следовательно, предполагается высший, абсолютный порядок, соответствующий третьему элементу в существе человеческом, – мистический, или божественный. Если человек как существо природно-материальное и разумно свободное не может быть предметом безусловной любви, то таким предметом может быть лишь человек как существо божественное, человек в Боге или человек как Бог.

Следовательно, мы должны предположить, что человеческие существа находятся между собою не только в рациональных отношениях, из которых вытекают союзы экономические и политические, но что они связаны более тесной связью со стороны своей внутренней сущности, образуя единый божественный организм, или живое тело Божие.

Человек, по мнению Вл. Соловьева, есть божественная идея, но так как он есть свободное «я» и природное животное существо и так как единство человеческой индивидуальности требует, чтобы три элемента были согласованы, то человеку необходи-

мо осуществить свою божественную идею в своем человеческом и природном элементе. А так как человек есть божественная идея только во внутреннем единстве со всеми, в единстве всечеловечества, то и осуществление человеком его божественного начала в низших элементах есть не что иное, как осуществление всеединства.

Таким образом, человек или человечество есть существо, содержащее в себе божественную идею, т. е. всеединство, или безусловную полноту бытия, и осуществляющее эту идею посредством разумной свободы в материальной природе. Религиозное начало в человеке есть та неподвижная цель, которая должна двигать естественные силы человечества, реализуясь в них так, чтобы воля Божия, или всеединство, совершалась на земле, как она есть на небесах.

По мнению П. Гайдено, и Шеллинг, и Вл. Соловьев видят в человеке персонификацию мировой души, которая, будучи бессознательным началом, приходит к своему самосознанию в человеке. Следовательно, по мнению философов, человек – тварное существо, совечное Богу⁴.

В учении немецкого философа Вл. Соловьева привлекал романтически-эстетический подход к проблемам религии. По мнению А. Ф. Лосева, русский философ ориентировался на христианское богословие и особенно на православие, тогда как Шеллинг неизменно оставался антицерковным протестантом⁵. Известно также, что, будучи протестантом, он понимал это вероисповедание как лишь момент развития, как ступень, отнюдь не высшую, в духовном прогрессе; к католицизму он не примкнул в сколько-нибудь значительной мере; а вот к православию начал в конце жизни проявлять живой интерес и симпатию благодаря встречам с русскими. Церковь он ставит выше государства, которое рассматривалось им как одно из высших творений духа, оно является для него свидетельством духовной беспомощности человека, преоб-

ладания в нем природного, материального начала.

Вл. Соловьев также ставит церковь выше государства, развивая далее эту идею Шеллинга. В его работах звучит призыв создать христианское государство. «Христианское государство то, которое, не вмешиваясь в дела священства действует в царском духе Христа»⁶. С христианской точки зрения государство – это часть, обусловленная церковью, от которой она получает свое освящение и назначение. Отсюда у государства две задачи: консервативная и прогрессивная: охранять основы общежития, без которого человечество не могло бы существовать, и затем улучшать условия этого существования.

Христианское государство, по мнению Вл. Соловьева, должно стоять в зависимости от Церкви, основанной Христом, а сама церковь зависит от главы, Христом ей данного. Чтобы быть христианским, государство должно быть подчинено Церкви Христа; но чтобы это подчинение не было фиктивным, Церковь должна быть независимой от государства, она должна иметь центр единства вне государства и над ним, она должна быть воистину Вселенской Церковью. Когда утверждают, что государство должно подчиниться Церкви, то при этом всегда имеют в виду Церковь единую, нераздельную и вселенскую, основанную Христом.

Единство осуществляется у Вл. Соловьева как выполнение нравственной задачи через внутреннее совершенствование. Он пишет: «Тот народ, как и человек, который внутренне не совершенствуется, не может совершать истинно славных дел: откуда бы они взялись?»⁷. Можно сказать, что поистине оставаться самим собой означает для Вл. Соловьева неустанное совершенствование себя.

В работе «Россия и Вселенская Церковь» философ призывает признать, что мы, православный Восток, представляем «лишь часть Вселенской Церкви и часть, не

имеющую своего центра в себе самой» и что вселенский центр «провидение поместило на Западе». Поэтому моральным актом справедливости и любви было бы признание нашей духовной солидарности с братьями на Западе, что будет шагом вперед и необходимым условием всякого прогресса. Вл. Соловьев, правда, оговаривается, что это не требует отречения от своеобразного характера нашего религиозного духа.

Таким образом, не только православие – еще не вселенское, но и идеал православия, по Вл. Соловьеву, еще недостаточно вселенский. Вселенскость не означает всеохватности, включения в себя всего что попало. Нельзя согласиться и с тем, что западная религия, считает философ, уже обладает для достижения вселенского идеала всем, чего нам недостает. Православная церковь – не часть Вселенской, а ступень ее, приближение к этому идеалу, который, как центр тяготения, находится не вне православия, а в нем, не внешний ему, не посторонний, а свой, внутренний, и отказаться от этого идеала значит изменить и своей природе, и своему религиозному духу, отказаться от православного идеала в пользу мнимовселенского центра на Западе. Это будет огромным шагом к самоупразднению, отказом от самого идеала вселенскости.

Идеалом общности Вл. Соловьев делает нечто большее: духовное единство, соответственно идеалу русского народа – устройство общества как церкви, как духовной общности, как свободного многообразия в любовном единстве. То же рассмотрение простирает он на природу, полагая задачей человека не только оживлять омертвленную «цивилизацией» природу, но и одухотворять, обоживать природу.

Шеллинг считал, что всеобщая философия не может быть достоянием одной нации. Пока какая-либо философия не выходит за границы отдельного народа, можно с уверенностью сказать, что эта философия еще неистинна, даже если она находится на пути к этому. Вл. Соловьев соглашался с

этой точкой зрения и указывал, что немецкие философы никогда не говорили о своем превосходстве и их «абсолютные» системы тем и ценны, тем и привлекательны, что в них сквозь национальную форму прорывается стремление к сверхнациональному, общечеловеческому.

Вл. Соловьев вскрыл существенное содержание их взглядов по этому вопросу в «Трех разговорах», где герой произведения – политик – рассуждает с точки зрения простершегося в российское сознание европоцентризма. Здесь отвергается существование какого бы то ни было самобытного греко-славянского культурно-исторического типа. Россия испытывает значительное воздействие азиатского элемента, «в чем и состоит наша мнимая самобытность». Теперь повсюду наступает эпоха мирного распространения европейской культуры. Все должны стать европейцами. При этом понятие европейца должно совпасть с понятием человека, а понятие европейского культурного мира – с понятием человечества.

Подводя итог, мы можем с уверенностью сказать, что Вл. Соловьев столь близко воспринял учение немецкого философа в силу всеобъемлющей основы его трудов, которые, по его мнению, претендовали на роль общемирового учения. Кроме того, философ импонировал идее всеединства, что укладывалось в рамки его собственных мыслей.

Но в том и состоит талант русского мыслителя, что на основе, казалось бы, законченных по своему характеру трудов, он смог выработать и ряд новых идей, ввести в философский оборот ряд определений, которые мы, исследователи, воспринимаем как значимые.

Что касается общности и разности взглядов Вл. Соловьева и Шеллинга, то необходимо отметить, что в подавляющем большинстве вопросов они сошлись во мнении о взаимосвязи и взаимопроникновении всего сущего, выведя идею о всеединстве. Причем всеединство не было бы в полной мере объяснимо, если бы не признавалось актом творения Бога.

Но Соловьев развил далее учение Шеллинга о связи всеединства с учением о государстве, выдвинув идею о создании общехристианского государства.

Идея Вл. Соловьева о создании всехристианского государства в настоящее время является, пожалуй, даже более актуальной, нежели в годы жизни и творчества философа, поскольку в мире четко наметилась тенденция к усилению мусульманства и угасанию христианской цивилизации, в том числе и в связи с появлением в XX столетии

массы христианских течений (сект), внесших существенный разлад в общую канву христианства. Одновременно усиление мусульманства путем объединения на основе его территорий и народов неминуемо повлечет за собой рост экспансии в отношении немусульманских стран (трудовой, религиозной, политической и военной в том числе). Таким образом, многие аспекты учения Вл. Соловьева представляются важнейшими не только с точки зрения науки и философии, но и геополитики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шеллинг Ф. Система мировых эпох. Томск, 1999. С. 281.

² Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 73.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 171.

⁶ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; Примеч. С. Л. Кравца и др. М., 1990. Т. 1. С. 534.

⁷ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 605.